

На яхте «Штандарт»

Зиму 1913-1914 г. я плавал в Средиземном море на крейсере Гвардейского Экипажа «Олег». Крейсер возвращался в Россию. В конце марта 1914 г., после трудного и бурного перехода из Гибралтара, «Олег» вошел в спокойную и глубокую бухту на северном побережье Испании. Помню, утром, я стоял на палубе, рассматривая живописные, покрытые распускающейся весенней зеленью берега, когда ко мне подошел один из офицеров и сказал, что получена телеграмма Главного Морского Штаба о назначении меня на Императорскую яхту «Штандарт». Радостно взволнованный я поторопился сдать мои обязанности, чтобы по железной дороге ехать в Россию, и рано утром на следующий день покинул крейсер. В Петербург я приехал после четырех дней почти безостановочного пути.

Быстро приведя там в порядок свое обмундирование, я выехал в Крым, где в Ялте, ошвартованный у мола, стоял «Штандарт». Императорская Семья в это время находилась в Ливадии.

Яхта «Штандарт», покрытая черным лаком, с двумя золотыми обводами и тонкой, резной работы золоченым орлом на носу, была, по своей линии, исключительно красива. Все на ней горело и блистало чистотой. Служба на «Штандарте» во многом отличалась от службы на боевых кораблях. Все было предусмотрено специальной инструкцией, которую вначале мне часто приходилось иметь перед собой.

Помимо очередных вахт на яхте, по утрам шло шлюпочное учение, а днем – строевое на молу, перед яхтой. Прекрасно дисциплинированные, тщательно подобранные матросы выглядели молодцами.

Императорская Семья, каждое лето проводившая немало времени на яхте, любила «Штандарт» и лично хорошо знала экипаж. Офицеры яхты обычно каждый день по 2-3 приглашались во Дворец на завтрак или днем – на теннис, на прогулки и чай.

Через несколько дней по моем прибытии, - 6 апреля, на Пасху, - я был представлен Их Величествам и после этого тоже стал получать приглашения в Ливадию. Среди парка, где в тенистых аллеях росли огромные розы, на склоне горы стоял белый, в стиле итальянского Ренессанса, новый дворец (он был закончен постройкой осенью 1911 г. архитектором Красновым). Фасад и широкие террасы выходили на Черное море и спускающийся к нему парк. Слева виднелась Ялта, справа – по берегу моря продолжался парк, - сзади теснились крымские горы. Из большого окна гостиной Её Величества, в просеку

парка, виднелся у мола Ялты «Штандарт». Перед завтраком свита и приглашенные собирались в зале Дворца. Ровно в час выходил в залу Государь, а за ним Великие Княжны.

Завтракали в большой столовой Дворца. За столом посередине сидел Государь, слева и справа от него, в порядке чинов и положений, приглашенные и свита. После завтрака выходили во внутренний сад. Их Величества обходили присутствующих и с ними разговаривали. Императрица не всегда присутствовала за завтраком и большей частью спускалась только в этот момент. Императорская Семья только во время завтрака встречалась со всей свитой. Обед подавался обычно в узком семейном кругу.

Императорская Семья много занималась спортом. Государь и старшие Великие Княжны очень хорошо играли в теннис. В дворцовом парке для них были устроены две площадки. Прогулки пешком бывали длинные, по живописным окрестностям Ялты. Дежурный флигель-адъютант обычно сопровождал Государя. Во время прогулок, Царская Семья, конечно, тщательно охранялась, но охрана никогда не была видна. Императрица сама правила маленьким экипажем, запряженным пони. После тенниса или прогулок возвращались во Дворец и в гостиной или в парке пили чай. Точность в распределения времени соблюдалась замечательно; кончив чай в определенную минуту, Государь, даже не посмотрев на часы, молчаливым вопросом спрашивал разрешения Императрицы и поднимался со своего места.

С первого дня, я был очарован царственной простотой и обаянием этой Семьи, такой дружной и жизнерадостной, как я не видел, пожалуй, больше нигде. Я навсегда запомнил спокойные движения и взгляд Царя, прямо устремленный на того, с кем он разговаривал или мимо кого проходил. Он был гостеприимным хозяином и хотел, чтобы Его приглашенные чувствовали себя непринужденно. Императрица, всегда величественная, была более замкнута, но Ее душевное желание помочь каждому, можно было различить в каждом Ее слове. Великие Княжны всегда и всюду вносили с собой оживление.

Все окружающее их интересовало; они обладали замечательной памятью и ко всем относились с доброжелательным вниманием. Если одна из них задавала мне какой-либо вопрос, хотя бы касающийся лично меня или моей семьи, то позднее я замечал, что не только сама она помнит мой ответ, но и другие Княжны его знают. Всегда проводя время вместе, Великие Княжны были исключительно дружны между собою и даже понимали одна другую по неуловимому для посторонних движению глаз. Наследника я видел реже, как я узнал позднее – оттого, что по состоянию своего здоровья он проводил время отдельно и показывался лишь изредка. По желанию

Государыни, все окружающие называли Царских детей по имени и отчеству.

Из драгоценностей все Великие Княжны всегда носили только жемчужное кольцо. Каждая из них в определенном возрасте получала в подарок жемчужное кольцо определенной длины, к которому потом добавлялось по жемчужине ко дню рождения и именин.

Государыня очень любила цветы и Её помещения во Дворце и каюты были ими полны. В свободное время у Неё всегда бывала в руках работа. В то время Она готовилась к благотворительному базару в Ялте, который, конечно, стал самым крупным событием в жизни этого города.

Базар состоялся в середине мая, на молу, около яхты «Штандарт». Большой киоск Её Величества, убранный цветами, был выдержан в лиловых тонах, любимый цвет Государыни. Рядом был киоск Великих Княжон. Императрица и Дети целый день провели в своих киосках, продавая вещи, частью своей работы. Конечно, весь Двор и вся Ялта присутствовала в этот день на молу.

Со мной не обошлось, особенно вначале, без мелких гафов и в этих случаях Царская Семья всегда очень мило старалась мне помочь. Помню первый для меня завтрак в их присутствии на яхте. Хотя я был готов задолго, я не заметил как пропустил время, когда все прошли в рубку к завтраку. Выйдя наверх, я увидел, что палуба пуста. Я бросился бежать по направлению к кормовой рубке, где была Императорская столовая, и неожиданно для себя, перед рубкой, наткнулся на Императрицу, которая завтракала с Наследником отдельно на палубе. Увидя меня, Императрица поняла в чем дело и голосом, полным самого милого внимания, сказала мне, указывая на вторую, боковую дверь: «Пройдите скорее в эту дверь, Его Величество вас не увидит».

Другой раз – это было до открытия базара – стояла дурная погода и вместо прогулки Императрица и Дети остались во Дворце, приготавливая вещи к базару. Все были заняты наклейкой фотографии Государыни в альбомы предназначавшиеся к продаже. Я тоже клеил. Через несколько минут, когда я уже заполнил свой альбом, Императрица взяла их всех посмотреть, как они вышли. Всегда тщательная и аккуратная во всем, Она заметила, что в одном альбоме две страницы склеились и с удивлением спросила, кто это сделал. К своему сожалению я увидел, что это был альбом моей работы. Только я хотел это сказать, как Великая Княжна Татьяна Николаевна, видимо, поняв в чем дело, и не дав мне открыть рот, быстро ответила, что это сделала она. Конечно, мне не грозили никакой белой склеившиеся

страницы альбома, но я был глубоко тронут желанием Великой Княжны помочь мне в моей неловкости.

Прошли апрель и май, наступило время отъезда. Императорская Семья, перед возвращением в Царское Село и Петергоф, предполагала посетить Констанцу, с ответным визитом Румынской Королевской Семье.

В день отъезда я был на последнем завтраке во Дворце. Я смотрел на стены зала и думал, - когда я их увижу в следующий раз, - случилось, что никогда. Все находившиеся в Крыму Великие Князя и городские власти, с букетами цветов для Императрицы, собрались на молу. «Штандарт» вышел в море, эскортируемый миноносцами и крейсером. Был чудный день и крымские горы медленно скрывались их вида.

На следующее утро, я стоял на вахте от 4-х до 8-ми утра, когда мы подходили к Констанце. Вечером был большой обед, данный Румынским Королем. Я случайно был недалеко, когда на палубу вышла Императрица в вечернем костюме, в брильянтовой диадеме, вся в драгоценностях. Было уже темно, я умышленно отступил в неосвященный угол и любовался Её царственным видом. Помню, я подумал, что если бы кто и не знал Её, только по виду каждый мог бы узнать в ней Императрицу. После обеда, около 12-ти часов ночи, яхта вышла в море и на следующее утро, мы подходили к Одессе. На рейде нас встретил весь черноморский флот. Медленно проходила яхта мимо кораблей под звуки гимна и крики ура построенных на палубах команд. День прошел в приемах на берегу. Случилось, что Государь и Императрица съехали на берег одновременно и в первый и единственный раз над яхтой был поднят штандарт Наследника Цесаревича. Вечером был большой обед на яхте для властей города. Я стоял на вахте и едва успевал переходить от одного трапа к другому, чтобы встречать приглашенных.

После обеда Императорская Семья съехала на берег, чтобы поездом ехать в Царское Село.

Организация службы на яхте была замечательная. В момент Их отъезда все сразу затягивалось чехлами, рубка брезентом и яхта немедленно приготавливалась к погрузке угля и к походу, чтобы не теряя ни одной минуты идти вокруг Европы в Петербург для плавания в шхерах. Обычно на каждом из таких переходов старались поставить рекорд скорости.

Мы прошли Кильским каналом за четыре недели до начала войны. Наконец, после 20-тидневного перехода мы пришли в Петербург. Закоптелая после похода яхта уже перед приходом стала приводиться в порядок. Когда стали на якорь, на Неве, работа пошла полным

ходом, чехлы исчезли, всюду мыли, красили и полировали. Обычно старались это сделать в кратчайший срок и бывало, что в момент когда катер с Императорской фамилией подходил к своему правому, кормовому трапу, где либо на баке едва успевали кончить полировку. Наконец яхта, блистая чистотой, перешла на Кронштадтский рейд, где приняла Императорскую Семью прибывшую из Петергофа. Императорский штандарт взвивался на мачте.

В сопровождении второй яхты «Полярная Звезда» и малой для коротких плаваний – «Царевна», Императорская эскадра вышла в море в финские шхеры, эскортируемая миноносцами.

Мы шли в шхеры на шесть дней. Потом Императорская Семья должна была вернуться в Петергоф на несколько дней для приема Президента Французской Республики Пуанкарэ, а после его отъезда предполагалось снова вернуться в шхеры до конца лета.

В финских шхерах, живописных, но немного угрюмых, излюбленным местом, где Императорская эскадра обычно стояла летом, был небольшой, окруженный маленькими, почти не заселенными островками рейд Питкопас, переименованный в честь яхты в «рейд Штандарт». Посередине рейда стояли Императорские яхты, окруженные миноносцами. Маленький дежурный миноносец все время обходил рейд, никого не допуская в сектор из расположения без специального разрешения.

В шхерах жизнь на яхте протекала спокойно. По утрам – шлюпочные учения. Великие Княжны очень интересовались корабельной жизнью, и часто наблюдали с яхты за этим учением. Днем – обычный спорт Императорской Семьи. Однажды, старший офицер спросил меня, не могу ли я сопровождать Его Величество на байдарке, но предупредил, что Государь – сильный гребец. Вышло, что кто-то другой сопровождал Его, а я конвоировал на вельботе – гребной шлюпке с шестью матросами. Вскоре я убедился, что для меня это было лучше, так как поездка затянулась и без специальной тренировки, я с трудом дошел бы до конца. Завтракали и обедали Императорская Семья, свита и офицеры яхты вместе, в кормовой столовой рубке.

Так прошла неделя и наступило время возвращаться для приема Президента. Помню последний вечер на яхте перед возвращением в Петергоф. Было душно, подступала гроза. Вечерний чай пили в кормовой рубке. Императрица и две старшие Великие Княжны оставались несколько дольше обычного. Великие Княжны очень неохотно возвращались в Петергоф, которого не любили, и они ждали с нетерпением возобновление плавания. Во время обратного перехода они все время оставались на палубе, делая снимки. Обычно, всем, кто вышел на фотографиях, они потом присылали

копии с надписью карандашом на обороте. У меня было несколько таких фотографии, но все они пропали во время революции. Под вечер яхта вернулась в Кронштадт. Царская семья съехала с яхты, как думали – на несколько дней, а в действительности – навсегда.

Во время войны, яхту ремонтировали, между прочим, меняли палубу. Великие Княжны пожелали иметь на память кусок старой палубы. И может быть этот кусочек дерева, с любимой Ими яхты, - воспоминание о счастливых днях Их короткой жизни, - был с Ними в далекой Сибири.

В. Молоховец.